

Новорожденный Сино, без сомнения, окружен заботой. Дайсукэ внимательно оглядывал свои первые в этом мире покои. Похоже, он попал в старинный и влиятельный клан — убранство комнат не имело ничего общего с современным стилем его прошлой жизни.

Его любопытство родители приняли за признак недетской сообразительности. Отец, чей голос обычно звучал сухо и холодно, выдавил из себя нечто похожее на смех. Звук вышел странным, вымученным, но Сино почувствовал исходящее от него тепло и в ответ забавно засучил ручками.

— Сино такой милый ребенок, — голос матери, в отличие от отцовского, не был ледяным, но в нем чувствовалась глубокая рассудительность.

Понимая, что тело еще не слушается его, Сино принялся имитировать детский лепет. Он не хотел казаться странным и выдавать свою истинную сущность. Родители тут же решили, что малыш услышал мать и просится к ней — дети ведь всегда сильнее привязаны к матерям.

Оказавшись в ее объятиях, Сино ощутил долгожданный уют. Младенческая тяга ко сну взяла свое, и вскоре он мирно посапывал, уткнувшись в материнскую грудь.

Помимо родителей, у него оставался еще один важный спутник — Какко. Сино не мог видеть его, но отчетливо ощущал присутствие своего верного насекомого где-то совсем рядом. Это чувство было точно таким же, как во время прежних сражений. Какко был здесь, а значит, боевая мощь со временем вернется. Впрочем, Сино втайне надеялся, что в этой жизни ему не придется воевать.

Будучи взрослым человеком в теле младенца, Сино вел себя на редкость тихо, чем вызывал молчаливое одобрение. Родители явно не любили шума, и он, тонко чувствуя их натуру, старался соответствовать.

Вскоре стало ясно: его новая семья далеко не обычная.

Отец и мать часто уходили, как он понял из разговоров, на задания. Их движения, скорость и сила превосходили всё, что Сино видел раньше. Даже когда его самого звали «Искрой номер один», он не был настолько быстр.

«Значит, моя семья тоже служит какой-то организации? — размышлял он. — Неужели отец и мать — тоже лишь инструменты?»

Интуиция его не подводила. Ниндзя действительно были инструментами, хотя в Конохе это старались прикрывать человечностью. И хотя родители всегда возвращались домой опрятными, Сино безошибочно улавливал едва заметный, въевшийся в кожу запах крови.

Этот мир, казавшийся мирным, на самом деле был пропитан войной.

Когда Сино начал осваивать первые слова, Абурамэ Сиби — его отец — находился в другом конце комнаты. Услышав едва различимое «отец», он в мгновение ока оказался перед сыном. Его лицо озарилось неподдельным восторгом. Гордость за первенца заставила даже этого сурового человека расплыться в улыбке. Боясь, что ему послышалось, Сиби попросил:

— Сино, скажи еще раз.

Сино почувствовал, что его голосовые связки уже не отзываются болью, как прежде. В комнате никого больше не было, и он тихо повторил:

— Отец.

От пристального, выжидающего взгляда Сино невольно покраснел и замялся. Сиби уже решил было, что это слуховая галлюцинация, и тень разочарования скользнула по его лицу, хоть он и пытался ее скрыть.

— Отец, — повторил Сино чуть громче.

На этот раз Сиби услышал всё отчетливо. Он подхватил малыша и высоко поднял его на руках.

— Какой же ты способный, Сино... — раздался голос матери, вернувшейся с задания. — Но почему первым делом не позвал меня? — В ее напускном гневе светилась радость.

Сино повернул голову и отчетливо произнес:

— Мать.

Женщина не выдержала и счастливо рассмеялась. Несмотря на внешнюю холодность, дома эта пара окружала Сино искренним теплом.

Когда Сино исполнилось полгода, в мире вспыхнула война. Его переправили в безопасное место, некое подобие убежища. Зная о войне не понаслышке, Сино не на шутку тревожился за родителей, чья истинная сила была ему пока неведома.

Лицо Сино оставалось бесстрастным. Как Какко, он обязан был сохранять холодный рассудок. Как Дайсукэ, он должен был не выдавать себя. Но как Сино, он заставлял себя вести себя как обычный ребенок.

Но разве можно быть обычным, обладая памятью о прошлой жизни? Он явно выделялся среди сверстников, но родители не видели в этом ничего дурного. Для них он был первым ребенком, и каждый его успех вызывал лишь гордость.

В убежище было полно детей его возраста. Одни истошно кричали, требуя родителей, другие спали, третьи возились с игрушками. Сино понимал: чтобы не выделяться, он должен влиться в эту среду. Но играть в песочнице, когда родители могут погибнуть в любую секунду, он не мог.

От подростков, присматривающих за детьми, он узнал правду. Ниндзя. Это слово определяло всё в этом мире. Его родители были воинами, как и юноши у входа, которым просто не хватило опыта, чтобы отправиться на передовую.

«Миссия превыше всего» — этот закон был вбит ему в голову еще в Бюро особых условий. И здесь, в Конохе, правила были те же: выполнить задачу любой ценой, даже ценой собственной жизни. Тревога нарастала. Где сейчас его отец? Что с матерью?

Клан Абурамэ славился своими техниками управления насекомыми. На войне они были незаменимы как разведчики и лишь в крайнем случае вступали в открытый бой. Но Сино тогда об этом еще не знал.

Его родители были мастерами своего дела, но на войне людей всегда не хватает. Груз ответственности был огромен, и даже если они хотели вернуться к сыну, долг не позволял им покинуть пост.

Война превращает всё в прах. И хотя здесь не гремели взрывы снарядов, мощные техники ниндзя разрушали мир не менее эффективно. Нужно было добывать сведения, перехватывать свитки, убивать.

Задания следовали одно за другим, не оставляя времени на сон. Сиби и его жена, всегда привыкшие к чистоте, теперь выглядели изможденными и израненными. Но Сино не видел их такими — родители всегда стараются скрыть свои слабости от детей.

Прошел месяц. Бесконечные сражения истощили их силы. Когда с фронта вернулись другие отряды, Хокагэ наконец разрешил супругам Абурамэ отдых. В таком состоянии они были бесполезны в бою — верная смерть.

В условиях войны о комфорте не шло и речи. Наскоро смыв с себя грязь и кровь, они бросились к убежищу. Там их ждал сын.

Увидев их спустя месяц долгого ожидания, Сино, несмотря на свою сдержанность, радостно вскинул ручки. Этот простой жест заставил родителей забыть о пережитых ужасах.

Впервые за всё время пребывания в убежище Сино улыбнулся. Раз они вернулись — бояться больше нечего.

Несмотря на пыль, осевшую на их одежде, Сино крепко прижался к родителям. Их тела были теплыми, они были живы — и это было единственным, что имело значение.

Поскольку родители вернулись, юноша-ниндзя сделал пометку в журнале и разрешил забрать Сино домой. Бои шли на окраинах, и их дом уцелел, но ради безопасности семья решила не оставаться в комнатах, а спуститься в подвал.

Оказавшись там впервые, Сино почувствовал легкую дрожь. В этом мрачном, сыром месте было нечто пугающее и в то же время странно знакомое. Он ненавидел подобную атмосферу.

Заметив его беспокойство, мать нежно погладила его по спине. Придется потерпеть. Сейчас только здесь было по-настоящему безопасно.

А затем перед глазами Сино предстало нечто такое, что заставило его замереть от изумления.

<http://bllate.org/book/17391/1646824>